

© 2017 г. М.И. СИМОВ

РУССКИЕ КОНСУЛЬСТВА НА БАЛКАНАХ И ИХ РОЛЬ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РАЗВЕДКИ НАКАНУНЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГОДОВ

В данной статье рассматривается один из сравнительно слабо изученных аспектов русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а именно: разведывательная деятельность России перед этим конфликтом и роль русской агентурной сети на Балканах в сборе информации о противнике. Цель исследования – сформировать представление о системе сбора и передачи сведений о противнике из русских консульств на местах в Петербург и штаб действующей армии в Кишиневе.

The article is devoted to the activities of the Russian intelligence on the eve of the Russian-Turkish war of 1877–1878. The focal point is the role of the Russian consular network in the process of gathering intelligence information about the enemy and transmitting it to St. Petersburg and the headquarters in Chişinău.

Ключевые слова: разведка, русско-турецкая война 1877–1878 гг., русская агентурная сеть на Балканах.

Keywords: intelligence, Russian-Turkish war of 1877–1878, Russian agents network on the Balkans.

Деятельность консулов Российской империи на восточном направлении и, в частности, на Балканах, никогда не ограничивалась только сферой торгово-экономических отношений и защитой личных и имущественных прав соотечественников за границей. Прежде всего, русские консульства выполняли политические функции и служили разнообразием постоянных дипломатических представительств Петербурга в кругу местного христианского населения. Не подлежит сомнению и тот факт, что одной из важнейших обязанностей консулов было осуществление наблюдения и сбор информации о соответствующем регионе, что имело прямую связь с активной политикой России на Балканах. Еще перед первым русским консульством, основанным в Венеции в 1711 г., ставилась задача, помимо всего прочего, передачи сведений об обстановке в северо-западной части Балканского полуострова [1]. Во второй половине XIX в. российское министерство иностранных дел приступило к расширению сети своих дипломатических представительств в Юго-Восточной Европе, что было связано, в том числе, и с необходимостью получения

Симов Михаил Ивайлов – аспирант исторического факультета Софийского университета им. св. Климента Охридского.

информации. В сообщении посланнику в Константинополе А. П. Бутеневу от августа 1857 г. государственный канцлер А. М. Горчаков обосновывал необходимость расширения дипломатической сети, указывая, что забота России об участии христиан и христианской церкви в Османской империи требует «быть точно проинформированными, в какой области наиболее остро чувствуется необходимость в нашей помощи» [2. С. 157]. Директор Азиатского департамента Е. П. Ковалевский также писал А. М. Горчакову в связи с консульствами на Балканах: «Необходимо повсеместное присутствие наших агентов в Турции, [...] людей, которые держали бы нас в известности и успели бы предупредить, когда наступит предсмертный час Турции» [2. С. 318].

Дипломатическая сеть России на Балканах обслуживала и нужды военной разведки, которая именно в период милютинских реформ получила более организованную и институционализированную форму (подробнее см. [3; 4. С. 694]). Однако в течение двух десятилетий после 1856 г. единственной официальной должностью в Военном министерстве для всего обширного региона Балкан и Османской империи была должность военного агента в Константинополе, и при таком раскладе консулы естественным образом превращались в резидентов, собирающих сведения военного и военно-политического свойства. Консульские донесения, содержащие информацию военного плана, пересылались из Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи в военное ведомство, о чем свидетельствует множество сохранившихся документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)¹. О важности консульско-дипломатических каналов как источнике ценной и необходимой военному ведомству информации, красноречиво свидетельствует (отражая и механизм ее передачи) письмо начальника Главного штаба генерала Ф. Л. Гейдена директору Азиатского департамента П. Н. Стремоухову от ноября 1875 г.: «По установленному порядку, все консульские донесения, представляющие интерес для военного ведомства, сообщались Азиатским департаментом Главному штабу. В настоящее время консульские донесения из Турции имеют особенно важное значение, так как представляют единственно верные данные, по которым можно судить о современном положении дел» [5. Ф. 401. Оп. 3/927. Ед. 9. Л. 158–158об.].

Одним словом, консулы являлись важной частью агентурного аппарата русской разведки и регулярно снабжали центральные учреждения Петербурга потоком самых разнообразных сведений. Необходимость в такой информации возрастала прямо пропорционально каждому последующему усложнению ситуации на Балканах, а после начала Восточного кризиса летом 1875 г. и особенно накануне назревающей войны с Османской империей любые сведения, поступающие с Балкан, приобретали особую важность как для российского Министерства иностранных дел, так и для русской армии.

Так как политика России по отношению к южным славянам и их национально-освободительной борьбе в этот период неоднократно становилась предметом исследования, а донесения консулов использовались в качестве основного источника по репрессиям османских властей по отношению к христианскому

¹ В Военное министерство поступало немало консульских донесений, причем во время пересылки к ним прилагалась приписка соответствующего содержания. Документы такого типа хранятся, в основном, в фонде РГВИА № 401. См., например [5. Ф. 401, Оп. 2. Ед. 10. Л. 1, 13–14, 17, 24–29].

населению, настоящая статья ставит своей целью рассмотреть разведывательную деятельность России перед предстоящей войной с Османской империей и отдельно остановиться на роли русских консулов в этой деятельности.

Хронологические рамки исследования охватывают последние мирные месяцы перед объявлением войны, период интенсивности разведывательной деятельности. Основную источниковую базу составляют документы из фондов РГВИА, а именно: консульские донесения, поступившие в Военное министерство и Главный штаб русской армии, а также переписка между Министерством иностранных дел, военным ведомством и штабом действующей Дунайской армии в связи с полученной информацией.

До настоящего времени в научной литературе почти отсутствуют публикации, посвященные данной теме. Исключение составляют две статьи болгарского историка Й. Митева [6. С. 78–85; 7. С. 160–180], в которых, однако, также отсутствует целостная картина разведывательной деятельности, осуществляемой русскими консулами. Непосредственно до объявления русско-турецкой войны в апреле 1877 г. Петербург располагал дипломатическими представителями в 28 городах Балканского полуострова (не считая консульств на островах Корфу и Сира), пятеро из которых находились в ранге генеральных консулов. Эти дипломаты формировали ядро официальной агентуры русской разведки в мирное время, и, совершенно естественно, что в месяцы, предшествующие непосредственной войне, их задачами было осуществление постоянного наблюдения за динамикой обстановки в регионе и передача информации в Петербург.

Еще в начальную фазу Восточного кризиса консулы получили специальные предписания для предоставления сведений военного характера. В октябре 1875 г. русским консулам в Османской империи был выслан секретный циркуляр, обязывающий их собирать информацию об османских вооруженных силах в районе их пребывания [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 5–7]. Консульские донесения осенью и зимой 1875–1876 г. достаточно ясно очерчивают эскалацию антиосманской борьбы на Балканах. Неудачная для Белграда сербско-турецкая война и кровавое подавление Апрельского восстания в Болгарии принудили Россию окончательно отказаться от сдержанной политики и поставили ее перед необходимостью начать непосредственную подготовку к войне с давнишним противником на Босфоре, продолжая в то же время попытки мирного урегулирования кризиса. Эти обстоятельства естественным образом обусловили и последовавшую активизацию русской разведки на Балканах.

Накануне войны разведка осуществлялась с целью выяснения военно-политической обстановки на полуострове и наблюдения за военными приготовлениями Высокой порты к все более неизбежному конфликту с Россией. Первостепенную важность представляло получение актуальных и подробных сведений о дислокации, движении и концентрации османских вооруженных сил на балканском театре военных действий, активности турецкого флота на Дунае, а также о состоянии фортификационных сооружений, проходимости дорог и горных перевалов, наличии фуража и припасов в отдельных поселениях и пр. Российский стратегический план будущей кампании определял и районы, наиболее интересующие Россию с точки зрения разведки, однако в той или иной степени предоставлять информацию военного характера было поручено всем русским консулам в Османской империи и на Балканах. Особенно ценные сведения

поступали из консульских представительств в Рущук, Варне, Салониках, Адрианополе, Галаце, Тульче, Измаиле, а также Бухаресте, Белграде и Рагузе.

Русский консул в Салониках Т. П. Юзефович² еще летом 1876 г. сообщал в донесениях посланнику в Константинополе Н. П. Игнатьеву подробные данные о прибытии турецких войск и военных грузов на городскую пристань и их отправлении поездами в сторону Митровицы (современная Косовска-Митровица. — М.С.) для ведения боевых действий против Сербии. Случаи грабежей и насилий со стороны приезжавших и отбывавших в глубь полуострова башибузуков бесконечны и неисчислимы, писал в конце июля Юзефович, добавляя, что греческий элемент в этой области все больше ориентируется в сторону славян, «видя в своем бездействии чистую потерю» [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 112–115]. Наблюдения русского консула совпадают с общими настроениями в Греции и населенных греками частях Османской империи осенью 1876 г. [8. С. 71]. В донесениях Юзефовича присутствуют и подробные сведения о положении в Фессалии, которые тот получал от консула в Ларисе и впоследствии переправлял Н. П. Игнатьеву в Константинополь [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7625. Л. 162].

Очевидно, что основная роль в изучении действий противника накануне войны принадлежала генеральному консулу в Рущук, задачей которого было осуществление непосредственного наблюдения за военной активностью османов в Дунайском вилайете. И до начала Восточного кризиса консульство в Рущук в силу своего стратегического положения оставалось важным центром русской разведки в мирное время, откуда поступали данные, использовавшиеся для составления военно-статических описаний вилайета [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7625. Л. 2; 9. С. 419–420]. До февраля 1876 г. пост генерального консула в городе занимал А. Н. Мошнин³, которому еще в августе 1875 г., по высочайшему распоряжению, было позволено дополнительно расходовать по 150 полуимпериалов в год для сбора сведений, представляющих военный интерес [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7625. Л. 6]. В результате, в Военное министерство поступали ценные материалы, среди которых — подробный план и описание варненской крепости и фотографии крепости Шумла [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 8931. Л. 4].

Новый генеральный консул в Рущук, В. Ф. Кожевников⁴, едва заняв свой пост, тотчас же начал энергично собирать сведения о дислокации и численности османских войск в Дунайском вилайете, данных, которые были особенно необходимы уже сформированному в Кишиневе штабу Дунайской армии [7. С. 78]. Сам Кожевников являлся опытным дипломатом, будучи до 1867 г. русским консулом в Тырново, и его назначение в Руцук в довольно напряженный для русской балканской политики момент едва ли можно считать случайным.

Россия нуждалась в человеке, который быстро и энергично занялся бы изучением неприятеля с учетом назревающей войны. Именно это и делал Кожевников — с декабря 1876 г. он начал составлять точные и подробные списки о численности и расположении османских войск в вилайете. В конце декабря, например, русский консул сообщал, что «на данный момент» там расположено 34 батальона войск, половина из которых прибыла

² Т. П. Юзефович был издателем известного сборника «Договоры России с Востоком».

³ А. Н. Мошнин скончался в феврале 1876 г.

⁴ В. Ф. Кожевников был назначен на пост генерального консула в Рущук в ноябре 1876 г.

из Сербии и Черногории, они сосредоточились в укрепленных пунктах, находятся в плачевном состоянии здоровья, но благодаря усиленному питанию и отдыху быстро восстанавливают свои силы [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 12]. Помимо информации о силах противника, Кожевников активно изучал будущий театр военных действий, уделяя особое внимание состоянию дорог, горных перевалов и, конечно же, состоянию османских крепостей к югу от Дуная. В донесении от 4 декабря 1876 г. он сообщал, что часть сведений о дорогах в Балканских горах уже отправлена в посольство в Константинополе и в штаб армии в Кишиневе в виде двух подробных таблиц, а для сбора остальных сведений непосредственно на места высланы специальные люди [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 186].

В служебном подчинении генеральному консулу в Рущукке находился дипломатический агент России в Варне, пост которого в исследуемый период занимал болгарин Н. Даскалов. Тот факт, что варненский порт являлся «воротами», через которые османские войска прибывали по морю из различных частей империи для укрепления противостоящего России дунайского фронта, делает подробные и точные данные из этого города особенно ценными. Донесения Даскалова довольно ясно свидетельствуют об активной переброске сил через Варну с целью дальнейшего их сосредоточения в укрепленных пунктах Силистре, Шумле, Рущукке. Как сообщал Даскалов в середине декабря, 7 декабря 1876 г. в Варну из Константинополя прибыли 3000 человек резервных войск редиф⁵ из Салоник, продолжались и фортификационные работы в Варне [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 15].

Ключевым фактором успеха русского стратегического плана против Османской империи было успешное форсирование Дуная, поэтому получение актуальной информации об активности турецкого речного флота и о береговых укреплениях становилось одной из главных задач разведки накануне войны. Помимо генерального консула в Рущукке, эти сведения собирали русские консулы в дунайских городах Тульче, Галаце, Измаиле.

В обширном донесении от 7 ноября 1876 г. консул в Измаиле П. С. Романенко описывал состояние османской военной подготовки в его районе наблюдения, отмечая, что укрепления по правому берегу Дуная находятся в плачевном состоянии, никаких восстановительных работ не проводилось со времен последней русско-турецкой войны. В донесении он сообщил и сведения о Тульче, явно полученные от тамошнего русского вице-консула А. Е. Василевского. В то время как Романенко характеризовал османскую армию, которой поручена береговая охрана от Тульчи и Исакчи до Мачина, как «отчаянных разбойников», его мнение о турецком флоте по Дунаю диаметрально противоположно: «Это мощная сила, которая в любой момент может быть усилена за счет подкрепления с Босфора, в том числе и за счет английских офицеров, поступивших на турецкую службу, очевидно, для ведения действий против нас в случае нашего перехода к югу от Дуная. Поэтому наше начальство должно обратить особое внимание на эти силы» [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 171]. По словам Романенко, турки распространяли разные лживые слухи о собственных силах и поэтому проверка всех сведений консулами на местах – самый надежный способ получения истинной картины [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 172об.]. Жители присоединенной в 1856 г. к Молдавскому княжеству части Бессарабии сохранили полную лояльность России, писал русский консул,

⁵ Нерегулярное войско армии Османской империи, призываемое только на время войны.

задавленное непосильными налогами и чуждой им румынизацией, местное население уже 20 лет ожидает воссоединения с родной Россией и готово оказать всяческую поддержку императорской армии, добавлял он в обширном докладе [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 175].

Все сказанное выше ясно очерчивает важную и усиливающуюся роль русских консулов в сборе разведывательной информации о турецкой подготовке к войне и будущем театре военных действий. Ввиду того, что первоочередной интерес представляло отслеживание активности османских войск в Дунайском вилайете, расчет был сделан в основном на информацию, собранную консульскими представителями в Рущуке, Варне, Галаце, Измаиле и Тульче. Однако сведения, полученные с других концов империи, также были необходимы для более точного учета сил противника и составления целостного представления о его дислокации, передвижении и возможных будущих действиях. Также активно собирались топографические и статистические данные [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 160]. К концу 1876 г. при все более явно очерчивающейся войне и после формирования Действующей армии и размещения ее штаба в Кишиневе необходимость в регулярном получении сведений требовала изменений в механизме их передачи из консульств на Балканах в Петербург и штаб армии.

До декабря 1876 г., согласно установленному порядку, консулы отправляли свои доклады в посольство в Константинополе или напрямую в Министерство иностранных дел в Петербурге. Министерство иностранных дел в свою очередь переправляло донесения, содержавшие военные сведения, военному министру, начальнику Главного штаба Ф. Л. Гейдену или в Военно-ученый комитет при Главном штабе. Эта цепочка передачи информации ясно засвидетельствована в корреспонденции между центральными учреждениями Петербурга⁶. Этим же способом информация из консульских представительств поступала в военное ведомство лишь при посредничестве Министерства иностранных дел и с соответствующим промедлением. Недостатки этой системы становились все более очевидными с усилением военной подготовки. В качестве меры для обеспечения штаба армии своевременной секретной информацией в декабре 1876 г. генеральный консул в Рущуке получил инструкции одновременно высылать свои донесения в Константинополь и в штаб Действующей армии в Кишиневе [10. С. 186].

31 декабря 1876 г. начальник Главного штаба генерал Ф. Л. Гейден писал директору Азиатского департамента Н. К. Гирсу: «Ввиду необходимости в точных и своевременных сведениях о турецкой армии прошу Ваше превосходительство оказать содействие Военному министерству, приказав всем нашим консулам в Европейской и Азиатской Турции доставлять и мне (выделено автором. – М.С.) сведения о численности батальонов низам⁷ и редиф, полков кавалерии и артиллерийских батарей, которые к данному моменту находятся в районе их консульства. Военное министерство возьмет на себя все расходы по доставке указанных сведений» [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 1]. В секретном письме от 10 января 1877 г. Гирс уведомлял генерала Гейдена, что в соответствии с его требованием, он отдал распоряжение всем консулам в Османской империи сообщать по телеграфу требуемые сведения [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 34].

⁶ Сохранившиеся в РГВИА консульские донесения обычно сопровождаются документом, чаще всего указывающим, что соответствующее донесение переправлено для прочтения директором Азиатского департамента Н. К. Гирсом военному министру Д. А. Милютину или начальнику Главного штаба Ф. Л. Гейдену.

⁷ Регулярная пехота Османской империи.

Эти донесения в виде зашифрованных телеграмм однотипны и содержат в сжатом виде информацию о численности османской армии в районе наблюдения соответствующего консула, а также о количестве и системе ее вооружения. Так, например, в телеграмме от середины января консул в Сараево сообщал: «По собранным мной, возможно, самым точным сведениям, здесь находится 97 батальонов, из которых 21 редиф и 76 низам. Если считать за среднее число солдат в батальоне 700 человек, то вся армия составит 67 900 человек». Далее указывалась дислокация этих военных частей по населенным пунктам [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 33]. Такие телеграммы консулы посылали регулярно, иногда, лишь чтобы сообщить, что в численности и дислокации османских сил в районе нет никаких изменений.

Таким образом, Главный штаб уже мог пользоваться сетью агентов в Османской империи более полноценно, получая регулярные и актуальные данные. Тем временем, более подробные сведения о военной обстановке продолжали отправляться обычным способом, а именно: донесения пересылались из Азиатского департамента генералу Гейдену и военному министру Д. А. Милютину. Между тем, в штаб-квартиру Действующей армии был назначен бывший консул России в Константинополе М. А. Хитрово, который напрямую вел переписку с консульскими представителями на Балканах [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 63]. Таким образом, формировался еще один канал для непосредственной передачи информации из консульств в штаб армии.

Предпринятые меры по улучшению осведомленности по военным вопросам отражают интенсификацию подготовки к предстоящей войне и красноречиво свидетельствуют о значении, которое придавалось консулам как резидентам военной разведки на местах. Это неудивительно, ввиду характера консульской службы на Востоке и обстоятельств, обязывающих использовать каждый информационный ресурс в интересах планирования и проведения будущей военной кампании.

Провал Константинопольской конференции послов почти полностью перечеркнул перспективу мирного выхода из кризиса и придал сильный импульс военной подготовке России, которая нашла отражение в значительно более активной разведывательной деятельности перед началом войны. Об этом можно судить по объему информации, поступавшей от русских консульств в Главный штаб и штаб Действующей армии за период с января по начало апреля 1877 г., что значительно превышало объем данных за предыдущие месяцы.

Донесения консулов дают ясное представление об ускоренной подготовке Порты к предстоящей войне. По сведениям консула в Салониках от января и февраля 1877 г., по железной дороге из Митровицы в Салоники производилась активная транспортировка сил для последующего сосредоточения на дунайском театре военных действий, которая стала еще интенсивнее после подписания Константинопольского мирного договора между Сербией и Высокой Портой в середине февраля 1877 г. «После подписания перемирия часть войск, расположенных против Сербии, прибывают в Солунь и оттуда незамедлительно отправляются к Константинополю на кораблях», — сообщал Юзефович в донесении от начала января того же года. Особое внимание русский консул обращал на египетские войска, которые, по его мнению, отличаются образцовой дисциплиной и превосходным вооружением, но их солдаты малы ростом и выглядят физически слабыми [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 129].

Донесения генерального консула в Рушук подтверждают постоянное сосредоточение военных сил в Дунайском вилайете и особенно в крепостях Рушук,

Шумла, Варна, Силистра на востоке и Видин на западе. 15 января 1877 г. Кожевников сообщал: «Согласно собранным отовсюду сведениям, в Дунайском вилайете сейчас насчитывается около 55 батальонов различных войск — т.е. от 35 до 40 000 человек. Армия сейчас распределена так: в Варне 12 500 человек, в Шумене — 7 400, в Русе — 9 300, в Силистре — 1 800, в Видине — 15 000 вместе с ранеными» [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 55]. В списке, составленном в конце месяца, армия Дунайского вилайета уже составляла 52 950 человек [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 103], а к 8 марта русский консул уже насчитывал 189 батальонов или 160–170 тыс. человек, готовых встретить русское наступление [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 134]. Ко второй половине февраля оборонительные сооружения около Рущука были полностью завершены и снабжены орудиями, писал в донесении от 22 февраля Кожевников, те же наблюдения относятся и к крепостям Видин, Никополь, Шумла и Силистра [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 173].

Консулы в Тульче, Галаце и Измаиле сообщали, что в их районах наблюдения также ведутся подготовительные работы, но концентрация войск там значительно более низкая. В шифрограмме от января 1877 г. вице-консул в Тульче А. Е. Василевский сообщал, что к 15 числу в городе находился только один батальон низам [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 48], а в начале месяца началось возведение укреплений по правому берегу Дуная, причем работать на самом месте заставили христиан [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 79]. Донесение от 8 февраля того же консула уведомяло, что данные укрепления завершены, но при последующем подробном рассмотрении признаны негодными, из-за чего начата их перестройка по другому принципу [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 104]. Военные приготовления выражались и в чрезвычайных поборах османского правительства с местного населения тульчанского округа. С каждого поселения собирали по 20–30 кг. пшеницы и ячменя и от 50 до 80 овец, турецкая администрация также требовала от населения предоставить в случае войны лошадей и телеги для перевозки фуража и раненых солдат, писал в донесении Василевский в феврале [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 110–111].

Тульчанский вице-консул, как ясно видно из дипломатической переписки, регулярно высылал информацию вышестоящему по служебной иерархии русскому консулу в Измаиле, который, в свою очередь, отправлял свои донесения одновременно директору Азиатского департамента и в штаб армии в Кишинев [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 109, 111, 131]. Информация о турецких военных кораблях на Дунае продолжала широко освещаться в докладах консулов как в Рущуке, так и в Тульче, Галаце и Измаиле. Этим сведениям уделялось особенное внимание, отслеживалось количество, расположение и движение кораблей, их вид, вооружение и экипаж [6. С. 82]. «К вечеру 14 числа из Сулина прибыли 2 панцирные лодки и бросили якорь в Тульче, но на другой день отправились в Русе. 15 числа прибыли вновь из Сулина три шхуны и одна панцирная лодка, которые 16-го отправились в Русе, за исключением одной шхуны, которая осталась в Тульче», — сообщал Василевский 17 февраля [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 153].

Вообще дунайский город Тульча вырисовывается как важный центр разведки в этот период, в фондах РГВИА присутствуют и донесения неизвестного русского тайного агента в городе, которые дошли до штаба Действующей армии при посредничестве консула в Измаиле [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 41]. Очевидно, главной задачей этого агента было именно наблюдение за турецким флотом на Дунае.

Важные данные, помогающие раскрыть турецкие стратегические планы будущей кампании, предоставил русский консул в Адрианополе И. А. Иванов. Его донесения указывают на то, что после Дуная османы активно готовили и вторую оборонительную линию по Стара-Планине. Иванов постоянно сообщал о прибытии военных частей из разных концов империи и сосредоточении их вблизи старо-Планинских перевалов с резервными силами в Ямболе, Сливене, Филиппополе и Пазарджике. «Порта непрестанно продолжает отправлять войска в Балканские горы. Расположение войск часто меняется, но постоянно в смысле вышеуказанного меняется концентрация турок в балканских перевалах с резервными частями в Ямболе и Сливене», – сообщал русский консул в начале февраля [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 106]. Еще в январе Иванов телеграфировал, что Порта планирует сосредоточить 30 000 человек на юге от Стара-Планины с штаб-квартирой в Ямболе. «Перевалы оснащаются, уже привезена артиллерия», – добавлял консул [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 68]. «Состояние прибывающих войск жалкое. Это плохо обученные редифы, которые едва ли выдержат огонь в открытом поле, но они могут успешно отбиваться на закрытой местности», – гласит донесение консула в Адрианополе к Н. Гирсу от 4 февраля [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 107]. То же достаточно обширное донесение содержит и предупреждение о возможной высадке десанта английского корпуса на Босфоре для осуществления действий против России в случае ее наступления на османскую столицу. Свои подозрения Иванов аргументировал присутствием английских офицеров, которые провели топографические измерения в районе Силиврии и в окрестностях дороги между Константинополем и Адрианополем. «В своих мыслях о возможном английском десанте я исхожу не из какого-либо анализа целостной политической ситуации, а лишь из догадок и простых выводов, сделанных на базе моих личных наблюдений», – завершил донесение Иванов [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 108–108об.]. Из консульств в остальных частях Османской империи также приходили регулярные сведения, на базе которых в штабе армии составлялись подробные таблицы о численности и расположении османских войск.

Разумеется, интерес представляет и вопрос о том, каким образом сами консулы осуществляли сбор сведений, и какую местную агентуру использовали. Дать детальный ответ на этот вопрос – сложная задача, так как подробная информация редко присутствует в консульских донесениях. И все же отдельные упоминания и отрывочные данные дают возможность описать в общих чертах разведывательную работу на уровне агентов низшего звена.

В первую очередь, есть свидетельства о том, что русские консулы подчас имели доступ к османским документам, содержащим секретную военную информацию. Так, например, консул в Адрианополе писал, что данный военный план Порты по сосредоточению 30-тысячного корпуса по обороне Балканских гор был предоставлен ему лицом, принадлежащим к османской администрации [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 106]. Можно предположить, что речь идет о высокопоставленном лице, раз он имел доступ к подобным документам. В своих донесениях консул в Салониках Юзефович ссылался на дипломатическую корреспонденцию османского посланника в Афинах, очевидно, перехваченную русским дипломатом [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 115].

Без сомнения, русские консулы активно пользовались услугами местного (чаще всего болгарского) населения для сбора разведывательной информации⁸. Именно болгары считались самыми надежными информаторами из-за их лояльности к России и того факта, что главной целью войны было именно освобождение Болгарии. В инструкции для агентов на местах, составленной полковником П. Д. Паренсовым в начале 1877 г., указывается, что агенты должны быть только болгарами, ради которых Россия и будет воевать, и к работе ни в коем случае не должны допускаться греки [14. Ф. 14. Оп. 1. Ед. 3967. Л. 1049–1051]. Вероятно, это недоверие к грекам связано с тем, что некоторые из них служили в турецкой разведке, как отмечал, например, консул в Галаце [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 172об.], в то время как болгары уже доказали свою преданность во время Крымской войны и русско-турецкой войны 1828–1829 гг.⁹

Несмотря на то, что в донесениях генерального консула в Рушукке не обнаруживается конкретной информации, он, несомненно, имел в своем распоряжении большое число лиц, которые доставляли ему сведения из различных частей Дунайского вилайета. Уведомляя 4 декабря 1876 г., что для разведывательной деятельности по дорогам Балканских гор непосредственно на места посланы люди, Кожевников, по всей вероятности, имел в виду именно местных болгар, которым было заплачено за сбор определенной информации. «Сведения о дорогах в Казанлык, Стара-Загору и Сливен могут быть получены, но это требует больше расходов и времени, так как для этого дела необходимо послать людей, которые не будут эксплуатировать наше доверие, воспользовавшись чрезвычайными обстоятельствами», — добавил в том же донесении рушукский консул [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 186].

3 апреля 1877 г. консул в Галаце писал помощнику-начальнику штаба Действующей армии, что он взял к себе на службу болгарина Т. Велкова¹⁰, так как он постоянно поддерживает связи со своими соотечественниками к югу от Дуная и может быть полезен в сборе всякого рода сведений [16. Инв. № 178. Л. 203–203об.]. Контакты с болгарскими революционерами поддерживал и консульский агент Даскалов [6. С. 79].

Консул в городе Галаце А. С. Романенко еще осенью 1876 г. завербовал в качестве информатора одного капитана австрийского парохода, славянина по происхождению, который имел связи с местными болгарами и постоянно совершал рейсы между Галацем, Тульчей, Измаилом и Килией. От этого агента ждали точных сведений обо всех действиях турок на Дунае [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 174об.]. Русский консул в Измаиле, в свою очередь, поддерживал связи с известным старообрядцем О. С. Гончаровым, в личном письме к главнокомандующему Действующей армии выразившим полную преданность России и готовность помогать русской армии сведениями о противнике [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 71–72об.].

Разумеется, изучение противника сопровождалось трудностями, которые консулы отмечали в своих докладах. Еще в декабре 1875 г. консул в Сараево А. Н. Кудрявцев просил извинить его за свои неполные донесения, так как, по его словам, при настоящем положении дел в этой области получение сведений о войсках и вооружении становится все более затруднено

⁸ Об участии болгар в русской разведке см. [11. С. 117; 12. С. 4; 13. С. 279].

⁹ О русской разведке во время Крымской войны и использовании болгар в качестве информаторов см. [15. Р. 192–207].

¹⁰ Т. Велков, участник болгарского народно-освободительного движения, был причастен к русской разведке еще с осени 1876 г., а во время русско-турецкой войны был информатором при русском штабе, см. [12. С. 5].

ввиду отсутствия лиц, которые обычно снабжали его этой информацией [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 5]. Генеральный консул в Белграде А. Н. Карцов писал, что после начала войны и наступившего в Сербии беспорядка в точности разузнать что-либо становится «непосильной задачей» [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 90]. В декабре Кожевников сообщал из Рушука, что из-за бдительного наблюдения со стороны турок сбор сведений военного характера день ото дня становится все труднее [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 186]. Согласно донесению консула в Салониках от сентября 1876 г., из-за стремления турецких властей прикрыть движение войск через салоникский порт, собранные сведения становятся все более отрывочными [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 164]. Несмотря на это, и в течение следующих месяцев Юзефович продолжал высылать достаточно подробные списки о прибывающих и отплывающих из Салоник кораблях и их грузах, включая солдат и вооружение.

Из представленного выше можно заключить, что накануне войны 1877—1878 г. русская дипломатическая сеть на Балканах, и особенно в Османской империи, играла незаменимую роль в снабжении Главного штаба и штаба Действующей армии информацией разведывательного характера. Русские консулы осуществляли довольно успешное наблюдение за концентрированием и продвижением османских вооруженных сил на балканском театре военных действий, так что их донесения ясно показывают развертывание сил противника в крепостях Северной Болгарии, а также более незначительное военное присутствие в районе будущей переправы через Дунай.

Также не стоит считать, что консулы недооценивали врага. Хотя в целом они единодушны по поводу плохого состояния османской армии и особенно плачевного положения редифа, они отмечали наличие современного вооружения и возможностей создания успешной обороны против русского наступления. Из всего этого следует, что русские дипломаты пользовались широкой сетью местных агентов, чьи имена редко присутствуют в источниках. По понятным причинам важнейшую роль в разведывательной деятельности России перед предстоящей войной играли консулы придунайских городов Рушук, Варна, Измаил, Галац и Тульча, которые имели возможность непосредственного наблюдения за османской военной активностью в землях Северной Болгарии и по реке Дунай. Именно они поддерживали непосредственную связь со штабом армии в Кишиневе и с отдельными офицерами, присланными их командованием для разведывательных миссий. Например, консул Кожевников обеспечивал прикрытие и содействие полковнику Паренсову во время его тайного пребывания в Рушук в январе 1877 г. с целью подробного изучения османских укреплений [16. С. 154—163]. В то же время консулы в Галаце и Измаиле оказывали помощь русскому капитану флота М. П. Новосельскому, посланному в Румынию, чтобы наблюдать за турецким флотом на реке Дунай [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 170].

Получение информации посредством сети дипломатических представительств было не единственной формой разведывательной деятельности, находящейся в распоряжении русского штаба. С декабря 1876 г. в землях Северной Болгарии началась вербовка агентов среди местного болгарского населения, которые впоследствии посылали сведения резидентам Генштаба в Бухаресте, офицерам П. Д. Паренсову и Г. И. Бобрикову [12. С. 7—10; 17. С. 7]. Существовавшие консульско-дипломатические каналы все же могут быть указаны как самые эффективные источники секретной информации накануне войны, так как они обеспечивали гораздо более обширным и регулярным потоком сведений, который

на практике продолжал идти вплоть до самого объявления войны и отзыва русских консулов из Османской империи, а те консулы, которые были резидентами в соседних христианских государствах, продолжали осуществлять разведывательную деятельность и во время самой войны.

Благодаря разведке и не в последнюю очередь предоставленным консулами сведениям, Россия вступила в войну с Османской империей, имея хорошее представление о численности и расположении сил противника, успешно разгадав и оборонительную стратегию, которой намеревалась придерживаться Порты. Русский Генштаб обладал довольно подробными сведениями и об османском флоте на реке Дунай. Это, в свою очередь, позволило русским стратегам выбрать самое благоприятное направление для наступления, достичь преимущества, форсируя Дунай при Свиштове, за которым последовали бесспорные успехи русской армии на начальном этапе войны. В качестве недостатка разведывательной деятельности в месяцы, предшествовавшие конфликту, можно указать тот факт, что Россия не сумела создать на османской территории достаточно широкую тайную агентурную сеть, которая продолжала бы работать и после отзыва русских консулов.

Перевод с болгарского А. С. Добычиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выписка из письма полковника М. Милорадовича русскому торговому консулу в Венеции Д. Ф. Боцису об антиосманском восстании в Черногории, Герцеговине и Албании // Российский государственный архив древних актов. Ф. 86. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 5–8об.
2. Русия и българското национално-освободително движение 1856–1877. София, 1987. Т. 1. Ч. 1.
3. *Алексеев М. Н.* Военная разведка в Российской империи. М., 2010.
4. *Схиммельпэнник ван дер Ойе Д. Д. А.* Милютин и военная разведка России // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008.
5. Российский государственный военно-исторический архив.
6. *Митев Й.* Сведения на руския генерален консул в Русе за турските войски в Дунавския вилает в навечерието на Освободителната война // Известия на Института за военна история и Военно-историческото научно дружество. София, 1987. Т. 43.
7. *Митев Й.* Докладите на руските консули в Одрин, Пловдив, Русе и Солун за Априлското въстание 1876 г. // Юбилеен сборник в чест на академик Димитър Косев. София, 1985.
8. *Цехмистренко С. П.* Гречия, Россия и Восточный кризис 1875–1878 гг. М., 2013.
9. Българско национално-революционно движение 1868–1874. Чуждестранни документи. София, 1992. Т. 2.
10. *Жейнов И.* Документи от Архива на външната политика на Руската империя за дейността на генералното консулство на Русия в Русе (1865–1877 г.). Русе, 2009.
11. *Димитров Ф.* По въпроса за използването на българи за разузнавателна дейност в навечерието на Освободителната Руско-турска война 1877–78 г. // Военно-исторически сборник. 1959. № 2.
12. *Тодоров Г.* Ролята на българите в руското разузнаване през Освободителната Руско-турска война (1877–1878) // Известия на института за история. 1960. № 9.
13. *Дойнов С.* Участието на българския народ във войната // Руско-турската освободителна война 1877–1878. Сборник статии по някои проблеми на войната. София, 1977.
14. Български исторически архив към Народна библиотека Св. Св. Кирил и Методий (НБКМ-БИА).
15. *Köremezli İ.* Shpion vs. Casus: Ottoman and Russian Intelligence in the Balkans during the Crimean War (1853–56) // Middle Eastern Studies. 2014. Vol. 50. № 2.
16. Централен държавен архив на България – Колекция микрофилми (ЦДА-КМФ) 09.
17. *Паренсов П. Д.* Из прошлого. Воспоминания офицера генералного штаба. СПб., 1901. Т. 1.
18. *Добрев Д.* Организация, форми и способности на разузнаването в Руско-турската освободителна война 1877–1878 г. // Военно-исторически сборник. 1981. № 2.